

УДК 331.58 (9)
DOI: 10.17223/19988613/47/12

С.А. Баканов, А.А. Попов

КАК ШАХТЕРЫ СТАЛИ «АРИСТОКРАТАМИ»: СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ РАЗВИТИЯ УГЛЕДОБЫЧИ В СССР И ПОЛЬШЕ (1945–1970-е гг.)

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ (проект № 15-31-01226).

На основе архивных документов и статистических данных проанализированы основные этапы развития угледобывающих отраслей Польши и СССР. Впервые в отечественной исторической науке социальные эффекты развития угледобычи рассматривались с позиций компаративного подхода. Авторы делают выводы о значительном сходстве моделей привлечения рабочей силы и стимулирования труда. Дефицит ресурсов в послевоенный период предопределил использование мобилизационных методов, основанных на применении принудительного труда. Необходимость снижения текучести рабочей силы и повышения производительности при одновременном отказе от использования принудительного труда побудили польские и советские власти существенно увеличить доходы и качество жизни шахтеров. Однако существенные различия в себестоимости угля и структуре энергопотребления предопределили расхождение в развитии отраслей в рассматриваемых странах: в СССР высокий уровень жизни шахтеров определялся государственными дотациями, в Польше – высокой доходностью и огромными лоббистскими возможностями отрасли.

Ключевые слова: угольная промышленность; шахтеры; история СССР; история Польши; Верхняя Силезия; социально-экономическая политика.

Во второй половине 1970-х гг. за шахтерами и в Польше, и в СССР закрепилось неформальное прозвище «аристократии рабочего класса», поскольку уровень жизни горняков был заметно выше среднего для группы промышленных рабочих. Однако в исторической перспективе столь благополучное положение горняков сложилось далеко не сразу. На протяжении большей части XX в. труд шахтера оставался тяжелым, опасным и довольно низкооплачиваемым (особенно если соотносить доходы горняков с трудоемкостью добычи угля), а бытовые условия – неудовлетворительными. При этом, например, для британских шахтеров даже 1970-е гг. были периодом падения уровня дохода относительно среднего уровня группы промышленных рабочих.

В данной статье предпринимается попытка на основе архивных документов и анализа статистических данных рассмотреть основные этапы социального развития угледобывающей отрасли и определить факторы роста благосостояния шахтеров в Польше и СССР в 1945–1970-е гг. Выбор стран обусловлен тем, что и для Польши, и для Советского Союза – главных производителей каменного угля среди стран соцлагеря, уголь играл особую роль в экономике, выступая в качестве мультипликатора развития всей социалистической индустрии. В угледобывающей отрасли этих стран применялись сходные модели рекрутирования рабочих кадров, которые, впрочем, обладали национальной спецификой. Хронологические рамки ограничены, с одной стороны, окончанием Второй мировой войны, с другой – влиянием на отрасль мирового энергетического кризиса середины 1970-х гг. Рассматриваемый период был разделен на три этапа в соответствии с реализацией долгосрочного планирования экономического развития в Польше и СССР.

Мобилизационная экономика послевоенного периода (1945–1955 гг.). Вторая мировая война обернулась для Советского Союза и Польши колоссальными материальными потерями во всех сферах экономики, включая угледобычу. Крупнейшие месторождения Донбасса и Верхней Силезии длительное время находились под контролем немцев, вследствие чего хозяйственные связи пришли в упадок. Нехватка оборудования и рабочей силы серьезно затрудняли восстановление производства. Программы послевоенного восстановления в рассматриваемых странах предусматривали форсированную индустриализацию, топливом для которой должен был стать именно уголь.

В СССР окончание войны не означало прекращения ажиотажного спроса на уголь, так как промышленность и энергетика страны по инерции еще продолжали некоторое время работать в военном режиме. Кроме того, по предвоенным планам угледобывающая отрасль должна была продолжать наращивать темпы и объемы добычи твердого топлива в 2–4 раза. Этому должно было способствовать как восстановление работы предприятий на бывших оккупированных территориях, так и новое шахтное строительство. Немаловажную роль в этом должен был сыграть и запланированный рост производительности труда.

Между тем имевшиеся на момент окончания войны в стране шахтерские кадры, а это более 560 тыс. человек [1. С. 658] в 1945 г., представляли собой сложный конгломерат различных категорий более или менее принудительно трудящихся граждан с подорванным здоровьем, не имеющих специальной подготовки и квалификации и проживавших, как правило, в совершенно неудовлетворительных бытовых условиях. Так, например, в 1945 г. в комбинате «Челябинскуголь» мобилизованные рабочие и спецконтингент (военно-

пленные, трудмобилизованные, трудпоселенцы, заключенные и др.) суммарно давали около 60% из 57 тыс. трудящихся [2. Оп. 10. Д. 263. Л. 37]. В тресте «Волчанскуголь» доля спецконтингента превышала 90% [3. Оп. 1. Д. 18а. Л. 7, 60, 69]. А на комбинате «Молотовуголь» категории рабочих, относящиеся к спецконтингенту, составляли 44% всего персонала, в том числе 33% всех рабочих – это расконвоированные окруженцы [4. Оп. 1. Д. 1418. Л. 266]. Похожее положение с кадрами наблюдалось почти во всех угольных бассейнах страны. Только к концу 1940-х гг. доля принудительного труда по комбинатам стала сокращаться и вольнонаемные рабочие, прибывшие по оргнабору или после демобилизации стали преобладать, составив, например, в «Челябинскугле» 65% от числа всей рабочей силы. Остальные вакансии по-прежнему заполнялись спецконтингентом – 25%, досрочно освобожденными – 5%, репатрированными – 4,5%, эвакуированными, но не имеющими возможности вернуться домой, – 1,5% [5. Оп. 8. Д. 209. Л. 42]. Доля женщин на подземных работах в середине 1940-х – середине 1950-х гг. колебалась вокруг цифры 20%. В Кузбассе только в 1952 г. приказом министра угольной промышленности А.Ф. Засядько заключенные были выведены со всех подземных работ, а все помещения лаготделений были переданы угольным трестам [6. С. 98].

Залогом качественных сдвигов в развитии угольной промышленности СССР к середине 1950-х гг. стало завершение механизации основных производственных операций – проходки, добычи, погрузки, откатки, подъема и транспортировки угля [7. С. 192–194]. Успехи в деле механизации вели к существенному изменению характера шахтерского труда. Теперь доминирующим становился уже не тяжелый ручной труд в забое, но труд квалифицированный, требующий специальных знаний для обслуживания горной техники, так как на смену обушку и отбойному молотку пришли проходческие машины и угольные комбайны. Решающее значение приобретало теперь уже не количество, а качество рабочей силы. Это требовало пересмотра мобилизационной трудовой политики и перехода к иным способам мотивации труда.

Усилиями правительства были существенно повышены общественный статус и престиж шахтерской профессии. Так, в 1947 г. был учрежден особый профессиональный праздник День шахтера. Еще раньше, в 1946 г., были на 20% повышены зарплаты и созданы финансовые условия для приобретения жилья для рабочих и инженерно-технических работников предприятий и строек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке [8. С. 1]. Показательно, что изменился даже внешний облик рабочего. В одном из шахтерских интервью говорится: «Жизнь налаживалась. Сам по себе изменился шахтер. Если раньше на разрядке утром все сидели грязные, курили, матерились, ведь начальство-то тоже было малограмотным и малокультурным, то в 1950-е гг. изменилось к этому отношение.

Шахтеры стали ходить на наряд в чистом, курить там перестали. Всем своим видом они теперь показывали достоинство рабочего человека» [7. С. 198].

В Польше послевоенное изменение границ предполагало приобретение некоторых бывших немецких территорий. Теперь все шахты некогда разделенного государственными границами верхнесилезского угольного бассейна переходили под контроль Варшавы, а кроме того, Польша получала нижнесилезские и опольские месторождения. Теоретически советская сторона могла претендовать на капиталы немецких предприятий на всех бывших немецких территориях и оставить новоприобретенные шахты без оборудования. Вероятно, это стало значимым аргументом при заключении долгосрочного договора о поставках польского угля в СССР по «специальной договорной цене», которая была на порядок ниже рыночной и близкой к себестоимости добычи. Речь шла о ежегодной отгрузке около 13 млн т (с 1947 г. эти объемы были снижены вдвое) [9. С. 44]. При этом торговля углем была для Польши очень важной статьёй экспорта, а сам уголь являлся в стране основным видом топлива, так что проблема увеличения добычи неизбежно стала одной из главных забот новых польских властей. В условиях крайне ограниченных ресурсов руководство страны прибегло к методам мобилизационной экономики по советскому образцу. Уже 24 февраля 1945 г. Министерством промышленности был создан Центральный совет угольной промышленности, который расположился в Катовице. В 1949 г. было создано Министерство добывающей промышленности и энергетики (с 1950 г. – Министерство добывающей промышленности). К 1955 г. после передачи ряда функций специализированным организациям на его базе возникло Министерство угольной промышленности. В задачи нового отдела входили координация и планирование производства отрасли на всей территории страны. Центральный совет создал «Районные союзы» – объединения предприятий (шахт, брикетных и коксовых заводов, других вспомогательных производств, а также их жилых фондов), которые управлялись единой администрацией. Такая организация была обусловлена нехваткой квалифицированных кадров и существенно снижала роль шахт как самостоятельных субъектов [10. С. 30–31].

Дефицит рабочей силы касался не только квалифицированных кадров. Еще осенью 1944 г. на территории Верхней Силезии, оккупированной немцами, в угледобывающей отрасли трудилось более 230 тыс. человек, тогда как летом 1945 г. их число не превышало 100 тыс. Но уже к декабрю численность рабочих верхнесилезских шахт достигла 170 тыс., а к 1949 г. – 215 тыс. человек. Во многом спад занятости, а затем ее взрывной рост были следствием жестких репрессивных и мобилизационных мер нового руководства при активной поддержке командования Красной Армии. При Центральном совете угольной промышленности был создан Отдел мобилизации рабочих сил. В мае и авгу-

сте 1945 г. при его участии, в частности, были подписаны два соглашения с Центральным трудовым лагерем в Явожно (созданным на основе Ной Дахс – сублагеря Аушвица) о предоставлении 5 и 10 тыс. заключенных соответственно для горнодобывающей отрасли [11. С. 39–40]. Трудовые лагеря были формально ликвидированы в 1949 г., но фактически оставались местом пребывания политических и уголовных заключенных вплоть до 1956 г. [Там же. С. 42]. Еще большую долю занятых в польских шахтах составляли немецкие военнопленные. По соглашению от декабря 1945 г. Министерство общественной безопасности Польши было готово поставить Центральному совету угольной промышленности для работ в шахтах от 30 до 40 тыс. пленных. В 1946–1948 гг. в шахтах работали около 25 тыс. пленных, в 1949 – менее 5 тыс., а к весне 1950 г. – около двух сотен [11. С. 40]. Наконец, в польской угледобывающей отрасли значительную долю новоприбывших работников составляли бывшие крестьяне из центральных районов Польши. Определенные надежды возлагались на польских реэмигрантов из Западной Европы, но они в значительной степени не оправдались, когда в страну вернулись только около 14 тыс. рабочих (с учетом членов семей – 40 тыс. человек), главным образом в западные районы [10. С. 72].

Во второй половине 1940-х гг. в Польше подавляющее большинство новых работников в отрасли не имели ни надлежащей квалификации, ни мотивации к труду, около 8% занятых на подземных работах составляли женщины. Очень высокой была текучесть кадров. В 1948–1952 гг. до трети всех занятых в отрас-

ли были новоприбывшими, в 1953–1956 гг. этот показатель превышал уже 50%. Важным элементом мотивации работника, по мнению польского руководства, должна была стать «Карта горняка», введенная в 1948 г. Она давала ряд льгот ее обладателю, в том числе бесплатные билеты на поезд, фиксированный к средней зарплате размер пенсии в зависимости от стажа и др. Но поскольку ряд важнейших вопросов, в том числе дефицит жилья, оставался не решенным, предпринятые меры стимулирования не имели должного эффекта [12. С. 51]. При этом бытовая неустроенность вынуждала многих работников переходить с шахты на шахту в поисках лучших условий.

Производительность труда верхнесилезских шахтеров к 1947 г. вернулась на довоенный уровень, но достичь этого удалось во многом за счет увеличения продолжительности рабочего дня, работы в выходные дни и разработок законсервированных месторождений. По мере сокращения доли принудительного труда в общей структуре занятости отрасли в 1949–1950 гг. производительность труда вновь заметно выросла. Но уже в 1952–1953 гг. наметилась тенденция к спаду производительности, который продолжался вплоть до 1958 г. Немаловажную роль сыграло постепенное снижение норм выработки. Спад производительности сопровождался заметным ростом номинальной заработной платы в 1952–1955 гг. более чем вдвое. Впрочем, с учетом инфляции показатели роста дохода не были столь впечатляющими, но, тем не менее, свидетельствовали о постепенном улучшении условий труда (рис. 1).

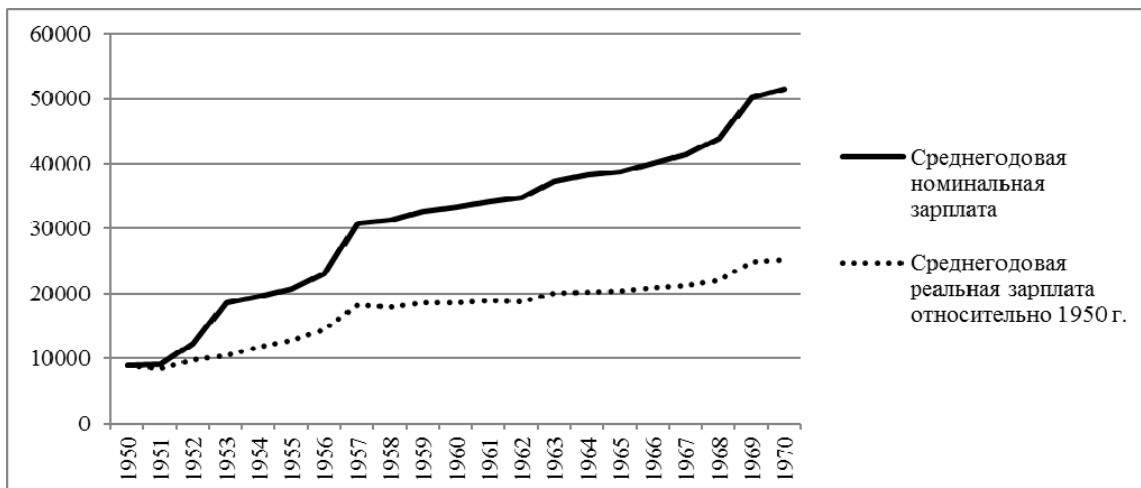

Рис. 1. Среднегодовая заработная плата в угледобывающей отрасли Польши
Источник: расчеты авторов по: Jaros J. Historia górnictwa węglowego w Polsce Ludowej (1945–1970). PWN, Warszawa-Kraków 1973

Таким образом, в послевоенное десятилетие угледобывающие отрасли СССР и Польши испытывали во многом сходные проблемы. Сложившаяся во время войны в СССР практика использования на трудоемких производствах военнопленных, заключенных и трудмобилизованных была продолжена в первые по-

слевоенные годы. Аналогичные мобилизационные меры внедрялись и на польских территориях по мере освобождения их от гитлеровских войск. Необходимость наращивания объемов добычи при дефиците вольнонаемного труда и инвестиций обусловила доми-

нирование принудительного труда в структуре занятости шахт в послевоенные годы.

Использование низкоквалифицированных и немотивированных рабочих вело к снижению производительности шахт в обеих странах и налагало серьезные ограничения на возможности механизации производства. Поэтому уже в начале 1950-х гг. в СССР и Польше предпринимались попытки материального и нематериального стимулирования вольнонаемных рабочих при существенном сокращении доли военнопленных и заключенных. Тем не менее труд шахтеров оставался тяжелым и малопривлекательным, что обуславливало высокую текучесть кадров.

Существенная разница в развитии угледобывающих отраслей двух стран заключалась в том, что советская централизованная система управления была отлажена и действовала на всей территории страны, в то время как польские шахты после войны впервые попали в рамки плановой системы, которая заметно изменила их хозяйственные процессы и связи. Но с точки зрения локализации польская система оказалась более компактной, а ее социальные интересы и обязательства оказались почти полностью сконцентрированы вокруг верхнесилезской конурбации, входившей в Катовицкое воеводство.

Пути улучшения условий труда и быта шахтеров в 1956–1965 гг. В 1958 г. СССР вышел на первое место в мире по валовой добыче угля. Советскому Союзу с конца 1950-х гг. удавалось поддерживать среднегодовые темпы прироста добычи угля на уровне около 1,3%, в то время как в послевоенные годы с 1946 по 1958 г. темпы были гораздо выше – 9,6% в год [13. С. 459–474]. Сохранение небольшого роста оказывалось возможным как за счет экстенсивного освоения новых бассейнов на востоке страны, так и за счет продолжавшегося до конца 1970-х гг. повышения производительности шахтерского труда (1,8 раза за 1958–1979 гг.).

Численность занятых в отрасли к 1965 г. удвоилась и достигла 1 113 тыс. человек [1. С. 658]. При этом произошедший в середине 1950-х гг. отказ от использования системы принудительного труда резко поставил проблему привлечения рабочих рук в угольную промышленность, так как, несмотря на несомненные успехи в деле механизации, отрасль продолжала оставаться одной из наиболее проблемных по размерам использования ручного и тяжелого труда. В этих обстоятельствах для сохранения трудовых коллективов государство было вынуждено существенно повысить заработную плату шахтеров. Проблема трудовых ресурсов теперь стала решаться с помощью не только моральных, но и материальных стимулов.

Отрасль вышла на первое место в СССР по уровню заработной платы. Если в 1950 г. среднемесячная заработная плата рабочего составляла 1 225 руб., а ИТР – 1 846 руб., то к 1960 г. она поднялась у рабочих до 1 710 руб., а у ИТР – до 3 200 руб. [13. С. 226]. Напри-

мер, по комбинату «Кизелуголь» фонд заработной платы вырос с 78 520 до 106 282 тыс. руб. В среднем по всем трестам комбината на 35% выросла зарплата временщиков и на 45% – сдельщиков [14. Оп. 1. Д. 705. Л. 7, 10]. С 1956 г. пенсия по старости назначалась шахтерам на льготных условиях – при достижении возраста 50 лет и при стаже работы не менее 20 лет вместо 60 и 25 лет соответственно для остальных рабочих и служащих.

Следует заметить, что значительный рост заработной платы имел для отрасли и существенные негативные последствия. Это было связано с тем, что доля заработной платы горняков в структуре себестоимости угля, особенно добытого подземным способом, играла важнейшую роль. Так, если на разрезах она колебалась от 20 до 40%, то на шахтах – от 40 до 60% [1. С. 730–735]. Это означало, что из-за трудоемкости угледобычи рост заработной платы горняков вел к падению рентабельности и увеличению плановых убытков всей отрасли. Поэтому с конца 1950-х гг. более 90% угледобывающих предприятий СССР стали получать государственную дотацию, без которой они не могли уже покрывать издержки производства [15. С. 44–47]. По данным министра угольной промышленности СССР Б.Ф. Братченко, к 1958 г. 78% всех угледобывающих предприятий СССР стали планово-убыточными, причем у двух третей из них убыточность превышала 30% [16. С. 415].

Дополнительной мерой по повышению качества жизни горняков и привлечению кадров стал переход отрасли в 1958 г. на шестичасовой рабочий день. Сокращенный рабочий день с одновременным повышением зарплаты шахтеров привел к тому, что фонд заработной платы в масштабах всей угольной промышленности СССР вырос сразу на 600 млн руб., а вместе с возросшими взносами на амортизацию и ростом цен на лесоматериалы себестоимость добычи возросла на 1,1 млрд руб. В итоге уже к 1966 г. отрасль получала госдотацию в размере 1,5 млрд руб., что почти полностью лишало ее возможности использовать новые методы материального стимулирования, на которые переходила индустрия СССР в результате хозяйственной реформы 1965 г. [17. Оп. 1. Д. 429. Л. 43].

Кроме того, продолжалась политика по повышению престижа шахтерской профессии. В 1956 г. постановлением Совета Министров СССР и ЦК КПСС за особые заслуги в добыче угля и шахтном строительстве были учреждены государственная награда: знак «Шахтерская Слава» трех степеней и звание «Почетный шахтер», которые сопровождались вручением специального нагрудного знака и особого шахтерского мундира. Во второй половине 1950-х гг. моральные стимулы были подкреплены и материальными.

В Польше реализация планов шестилетки 1950–1955 гг. проходила с большим напряжением. Для достижения валовых показателей добычи угля была введена работа по воскресеньям, в результате чего горняки

месяцами работали без выходных: в 1954 г. рабочими были 34 воскресных дня, в 1955 г. – 24 [12. С. 51]. Результаты шестилетки заставили польское руководство пересмотреть перспективы развития отрасли, которой решительно не хватало инвестиций. Требовались огромные средства на модернизацию оборудования, повышение квалификации кадров и улучшение условий труда. Поскольку дополнительных средств не было, а все основные производства вышли на проектную мощность, увеличение добычи было невозможно.

В то же время спрос на польский уголь продолжал расти. Во-первых, по мере ввода новых производств в рамках программы индустриализации увеличивались потребности внутреннего рынка. Определенное пространство для маневра в перераспределении угля могло дать сокращение экспорта, но и это было почти невозможно. Львиная доля торговли углем (более 8 млн т в 1955 г.) приходилась на экспорт в Советский Союз по «специальной договорной цене» в десять-одиннадцать раз ниже рыночной. Во-вторых, действовали договоры о взаимных поставках товаров со странами Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), нарушение которых грозило ответными мерами по другим категориям товаров (например, жиров, зерна, железной руды и т.д.) и, следовательно, срывом планов первой пятилетки (1956–1960 гг.). Поскольку пятилетние планы социалистических стран координировались, объемы взаимных поставок увеличивались пропорционально будущим потребностям, что в итоге также предполагало увеличение добычи угля в Польше.

В итоге поставки в страны-члены СЭВ периодически срывались. Недовольство неравноправным договором с СССР росло уже и среди высшего польского руководства, хотя у власти в стране по-прежнему находился Болеслав Берут, который подписывал этот договор и поначалу высоко его оценивал. Наконец, с 1 января 1956 г. для польских потребителей стоимость энергетического угля выросла на 75% [10. С. 179].

На совещании руководителей коммунистических партий европейских стран народной демократии 6 января 1956 г. в Москве польская делегация во главе с Б. Берутом оказалась в центре внимания из-за нарушения договоров по углю. Берут обратил внимание на патовую ситуацию в отрасли: «Для удовлетворения нужд страны и нужд экспорта наши шахтеры работают до сих пор сверхурочно по два воскресных дня в месяц. Это положение ненормальное и должно быть ликвидировано» [18. Оп. 1. Д. 3. Л. 14]. Уголь снимался с экспортных поставок еще и потому, что сами торговые партнеры не выполняли своих обязательств как по погашению задолженностей, так и по поставкам своей продукции. В частности, конфликт возник вокруг поставок в Польшу чехословацкого коксующегося угля.

Берут высказал несколько идей, в том числе об отказе от разработки в стране бедных железорудных месторождений, чтобы освободившиеся средства направить в развитие угольной отрасли, и необходимости

инвестирования стран-потребителей польского угля в Верхнесилезские месторождения. Учитывая сложившуюся ситуацию, Н.С. Хрущев внес предложение о долевом участии стран-членов СЭВ в развитии железорудных месторождений СССР и угольных месторождений в Польше. И предложение было поддержано, накопившиеся взаимные претензии стран-членов СЭВ существенно затрудняли его реализацию. Формальные обязательства Польши не были уменьшены, при этом дефицит угля внутри страны только нарастал. В феврале польские шахтеры работали без выходных уже все четыре недели [Там же. Оп. 1. Д. 15. Л. 3].

В марте польские власти из-за нехватки угля начали останавливать отдельные заводы, отменили занятия в школах и существенно сократили продажу топлива населению. В вопросе поставок в социалистические страны достичь компромисса не удалось, и польская сторона продолжила перенаправлять объемы на внутренний рынок. Совещание в рамках Комиссии СЭВ по угольной промышленности в Берлине зашло в тупик. Ситуация не изменилась и после того, как в середине марта умер Берут. Слухи связывали его смерть с начавшейся десталинизацией и общим недовольством Москвы. В Польше росли антисоветские настроения.

В конце июня 1956 г. состоялось очередное Совещание руководителей коммунистических партий. Новый польский лидер Эдвард Охав, хотя и считался лояльным Советскому союзу, гораздо жестче своего предшественника характеризовал ситуацию в угольной отрасли, говоря о том, что условия труда в Польше хуже, чем в любой из неколониальных стран. Подробно о проблемах угледобычи в Польше говорил в своем выступлении председатель Комиссии СЭВ по угольной промышленности Петр Ярошевич. Он подробно описал положение рабочих: «Рабочие просят о сокращении дня до 8,5 часов. <...> Кроме того, польская угольная промышленность находится в тех еще трудных условиях, что она не обеспечена рабочей силой. В польской угольной промышленности работают и тюремные заключенные, и солдаты, призванные на военную службу. <...> Это составляет большой процент рабочих угольной промышленности, и учитывая сплоченность Силезского бассейна, такой состав рабочей силы имеет плохое влияние на получение новой рабочей силы и стабильность кадров. Затем в связи с тем, что мы не развивали в предыдущих пятилетних планах серьезного жилищного строительства в Силезии, мы встречаемся с огромными трудностями для обеспечения шахт жилым фондом и привлечением стабильной рабочей силы» [Там же. Оп. 1. Д. 12. Л. 25–26].

В связи с таким положением польские власти планировали «ввести на шахтах 8-часовой рабочий день и добиваться его сокращения хотя бы до 7,5 часов, как в Польше горняки работали в довоенное время» [Там же. Оп. 1. Д. 12. Л. 27]. Ярошевич прямо заявил, что планы добычи и поставок не могут быть выполнены и должны быть серьезно уменьшены, чем вызвал волну критики

со стороны делегаций других стран. Выступая в его защиту, Охав привел свой самый сильный аргумент – рабочие не хотят больше работать по воскресениям и могут пойти в «другую сторону»: «Если бы они пришли к забастовке, то это не только потеря миллионов тонн угля, но это принесло бы политический вред, размеры которого трудно определить» [18. Оп. 1. Д. 15. Л. 3]. И далее: «У нас не хватает рабочей силы в шахтах, потому что рабочие не хотят идти на такие тяжелые, невыносимые условия, которые создались у нас в Польше» [Там же. Л. 8].

Охав озвучил страхи польского руководства перед возможностью выступления верхнесилезских шахтеров, как и то, что вопросам угольной отрасли в правительстве уделяют внимания больше, чем любому другому. Впрочем, опасаясь шахтерского бунта, польские власти оказались не готовы к выступлению всего через месяц промышленных рабочих Познани. Познанские события привели к масштабному политическому кризису, пик которого пришелся на конец октября 1956 г. В результате генеральным секретарем польской партии стал Владислав Гомулка, а Советский союз пошел на ряд уступок, в числе которых была отмена договора о «специальной договорной цене» польского угля.

Одним из последствий событий 1956 г. стало существенное улучшение условий труда. Прежде всего, в марте 1957 г. Министерство угольной промышленности было объединено с Министерством энергетики и вернуло себе первоначальное название – Министерство добывающей промышленности и энергетики. С 1 апреля 1957 г. новая организация санкционировала сокращение времени работы. Теперь на поверхности оно ограничивалось 46 часами при шестидневной рабочей неделе, а в забое – 7,5 часами в смену. Впрочем, реальная практика предполагала 48-часовую рабочую неделю с оплатой дополнительных часов как сверхурочных. Для тяжелых условий время смены в забое могло быть сокращено до 6 часов [10. С. 223]. Сокращение продолжительности рабочего дня совпало с ростом средней заработной платы на 33,4% в номинальном выражении и на 26,6% с учетом инфляции (см. рис. 1). Производительность труда в 1957 г. не выросла и, как и в 1956 г., оставалась на уровне 1947 г. в 1,1 т за смену на работника. Зато наметилась тенденция к снижению текучести рабочей силы: доля убывших из отрасли сократилась на 10%, и хотя общий показатель оставался еще очень высоким, в 1957 г. доля новоприбывших впервые опустилась ниже 50%.

Тем не менее в 1957 г. ситуация в отрасли оставалась непростой. Вместе с переходом к рыночным ценам СССР сократил закупку польского угля с 8 до 3,5 млн т, что позволило решить проблему дефицита энергии на внутреннем рынке, но не проблему торговых балансов. Усилились дисбалансы советско-польской торговли, но это было не такой острой проблемой, как дефицит ряда товаров, в том числе чехословацких коксующихся углей. При этом в 1959 г. цена

тонны угля покрывала около половины себестоимости добычи (с учетом всех инвестиций в развитие технологий и инфраструктуры) [19. С. 18].

Как отмечал Ярошевич, использование принудительного труда заключенных и солдат наносило серьезный урон имиджу отрасли, а кроме того, серьезно снижало показатели производительности труда. На польских шахтах окончательный переход только к вольнонаемному труду произошел после ликвидации в 1959 г. военной службы в угольных шахтах [10. С. 216].

В дальнейшем польские власти предпочитали держать уровень жизни горняков на стабильно высоком уровне, но уже не имели возможности существенно увеличить их заработную плату. В 1958–1962 гг. доходы польских шахтеров в реальном выражении оставались неизменными (см. рис. 1). Вместо этого значительные средства вкладывались в жилищное строительство в углепромышленных территориях. Динамика роста шахтерских городов в Верхней Силезии в данный период показывает бурный рост. При этом значительная доля этого роста приходилась на «спальные» районы. В Верхней Силезии эту функцию для всего промышленного округа выполняли новые районы г. Тыхы, известные как «Новы Тыхы». Их строительство началось еще в 1950 г., однако по настоящему масштабное строительство развернулось именно в 1958–1965 гг. В итоге за 15 лет численность населения города возросла в пять раз. Столица конурбации – Катовице – росла гораздо более медленными темпами.

В целом для периода характерна стабилизация численности рабочих угледобывающих предприятий в районе 330 тыс. человек при снижении доли новоприбывших до уровня около 20%. Производительность труда при этом непрерывно росла и к 1965 г. на 20% превышала уровень 1950 г. [Там же. С. 218].

Таким образом, и для советской, и для польской угледобывающих отраслей в 1956–1965 гг. было характерно увеличение объемов добычи. Оно достигалось за счет механизации производства, роста производительности труда и увеличения доли вольнонаемных работников. Эти процессы требовали значительных капитальных вложений не только в оснащение шахт, но и в повышение привлекательности шахтерской профессии.

В середине 1950-х гг. дефицит энергии подстегивал усиление эксплуатации шахтеров в Польше, но по мере перехода экономики СССР на газ острота нехватки ресурсов стала постепенно снижаться, и обе страны получили возможность уменьшить градус социального недовольства. Во второй половине 1950-х гг. зарплаты советских и польских шахтеров резко выросли, а вскоре до шести часов была сокращена продолжительность рабочего дня под землей. Важным элементом стимулирования стало введение отраслевых наград. Параллельно были реализованы масштабные программы жилищного строительства.

Предпринятые шаги заметно улучшили положение горняков, но негативно сказались на рентабельности шахт. Но если польские производства, расположенные более компактно и на богатых месторождениях, оставались прибыльными, то для большинства советских горнодобывающих предприятий поддержание высокого уровня жизни шахтеров было возможно только за счет государственных субсидий.

Формирование «аристократии рабочего класса» (1965–1970-е гг.). Нарастание кризисных явлений в экономике вынудило советское руководство начать масштабное реформирование хозяйственных отношений, в том числе энергетике. Усиление хозрасчетных начал в советской экономике во второй половине 1960-х гг. реализовывалось в виде повышения инициативы предприятий в области сбыта продукции, но с одним важным исключением: государство оставляло под своим жестким контролем цены на энергоносители. «Замораживались» не только цены на продукцию угольной промышленности и нефтегазового комплекса, но и заключенные контракты на поставки топлива отдельным потребителям не подлежали пересмотру. Новая система планирования, вводимая в 1965 г., предполагала повышение значимости стоимостных показателей в отчетности предприятий, что позволило бы рассчитать социалистическую прибыль, из которой предприятия могли оставлять себе часть средств на социальные нужды и материальное стимулирование трудящихся, что должно было повысить производительность труда во всей экономике.

Однако для угледобывающей промышленности переход на такую систему был сопряжен с рядом трудностей, вызванных отрицательной рентабельностью большинства предприятий отрасли. Откуда могла возникнуть прибыль на плано-убыточных предприятиях и какую долю плановых убытков можно было бы пустить на материальное стимулирование? Эти вопросы оставались не проясненными. В конечном счете прибылью стали считать сокращение плановых убытков. Прибыль Минуглепрома неуклонно снижалась. В 1971 г. по всем видам деятельности министерства она составила 962,1 млн руб., в 1975 г. – 689,1 млн руб., в 1978 г. отрасль окончательно перестала быть рентабельной, в 1980 г. убытки составили 1 316,5 млн руб., а в 1985 г. – 1 787 млн руб. [20. С. 11].

Такое катастрофическое падение прибыльности отрасли в сочетании с невозможностью дополнительного материального стимулирования ее сотрудников за счет фондов предприятий привели к тому, что ко второй половине 1970-х гг. привлекательность шахтерской профессии вновь стала снижаться. Дополнительным фактором в этом процессе стали тарифные реформы 1970-х гг., в результате которых по зарплате угледобывающая отрасль сравнялась с другими отраслями промышленности. Началось «старение» трудовых коллективов, вызванное сокращением притока молодежи.

Для изменения создавшегося положения правительство выпустило ряд постановлений, нацеленных на повышение социального и материального статуса шахтеров. В феврале 1976 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О предоставлении дополнительных льгот работникам угольной и сланцевой промышленности и шахтного строительства», а в октябре 1981 г. – Постановление «О повышении тарифных ставок и должностных окладов и совершенствовании организации заработной платы рабочих и служащих угольной (сланцевой) промышленности и шахтного строительства». В соответствии с этими документами шахтеры начали пользоваться рядом новых льгот. В частности, помимо роста заработной платы их рабочая неделя составляла 30 часов и была самой короткой в мире. Лицам, заключившим после увольнения из армии в запас договор сроком на 3 года о работе на предприятиях угольной промышленности, выплачивалось единовременное пособие на хозяйственное обзаведение в размере 1 тыс. руб. Такое же пособие выплачивалось и выпускникам ПТУ и прибывшим на шахты по оргнабору. Для ранее завербованных шахтеров также были предусмотрены льготы: 1) выплата ежегодно единовременных вознаграждений за работу в угольной промышленности свыше двух лет (в размере от 0,8 до 2-месячных тарифных ставок или должностных окладов; 2) ежемесячные доплаты к заработной плате работникам бассейнов, расположенных в восточных и северных районах страны (от 15 до 70% к зарплате).

Резкое повышение уровня жизни шахтеров в СССР в условиях нарастающих проблем с рентабельностью угледобывающей отрасли происходило на фоне глобальных сдвигов в мировом энергетическом балансе, где доля потребления угля снизилась с 74% в 1940 г. до 60% в 1950 г. и до 39,8% к 1965 г. [13. С. 218; 21. С. 146]. Столь безответственное решение может быть объяснено компенсирующим воздействием «нефтяного шока» 1970-х гг. По мнению ряда исследователей, шальные нефтяные богатства, свалившиеся на СССР в эти годы, на некоторое время делали перераспределение ресурсов для продолжения угольных дотаций делом не слишком обременительным для бюджета [15. С. 51]. В итоге вплоть до конца 1980-х гг. в СССР продолжилось экстенсивное наращивание угледобычи без серьезного перемещения ее центров на наиболее выгодные месторождения, а разрыв в оплате труда шахтера и учителя достиг 10 раз к 1991 г. [22. С. 181]. Шахтеры, ставшие уже к концу 1970-х гг. «аристократами» советской индустрии, окажутся очень чувствительными к экономическим колебаниям периода перестройки и встанут в авангарде антиправительственного забастовочного движения конца 1980-х гг.

В Польше к началу 1960-х г. расходы на заработную плату и социальное обеспечение шахтеров составляли значительную долю в себестоимости тонны угля.

В связи с сокращением продолжительности рабочего дня в польских шахтах увеличилось общее число занятых. Все это негативно сказывалось на рентабельности производств. С другой стороны, обновление парка техники, внедрение новых технологий на всех этапах разработки месторождений, повышение квалификации кадров и их мотивации к труду позволили существенно увеличить производительность труда. Так, только доля угля, добытого с использованием техники, к 1968 г. относительно 1960 г. выросла с 6 до 48%, что привело к еще более впечатляющему росту уровня образования трудящихся [23. С. 475].

В 1965–1970 гг. цена продажи польского угля превышала издержки на 45% [19. С. 24]. К 1975 г., после начала мирового энергетического кризиса и резкого скачка цен на энергоносители, польский уголь продавался в 3,5 раза дороже себестоимости [24. С. 219]. Кроме механизации и роста уровня образования на снижение издержек значительное влияние оказали увеличение норм выработки и снижение доли занятых на тонну угля. Эти процессы сопровождались значительным повышением реальных зарплат в 1968–1969 гг. (см. рис. 1).

Поскольку уголь являлся важнейшим энергоносителем для польской экономики и одним из главных экспортных товаров, лоббистские возможности отраслевого руководства были довольно широкими. Важно при этом учитывать фактор географической сплоченности производств – более 84% всего угля добывалось в Катовицком воеводстве – сердце Верхнесилезского угольного бассейна. Именно в Катовице размещались основные административные органы отрасли. Поэтому многие потребности отрасли носили ярко выраженный региональный характер. Неудивительно, что после прихода в 1970 г. к власти Э. Герека – представителя партийных структур катовицкого воеводства, лоббистские возможности руководства угольной отрасли только усилились. В регионе начали реализовывать крупные инвестиционные проекты, а доля региона в ВВП страны приблизилась к 25% [25. С. 118].

В конце 1960–1970-х гг. силезские шахтеры получали более высокие зарплаты, могли отдыхать в лучших санаториях (знаменитом Закопане) [26. С. 182] и даже имели доступ к более качественным потребительским товарам через сеть магазинов для горняков – Гевексы [25. С. 118]. Значительно более высокий уровень жизни в сравнении со средним уровнем промышленных рабочих Польши обеспечивался не только высокими ценами экспорта, но и значительными государственными субсидиями на социальную инфраструктуру. В первой половине 1970-х гг. вновь развернулось масштабное жилищное строительство. Рост численности городского населения обеспечивался возобновившимся ростом занятости в угледобыче, а также масштабным промышленным строительством в регионе

(в том числе началом возведения знаменитого металлургического комбината Гута Катовице).

Вплоть до возникновения первых серьезных проблем в экономике социалистической Польши в 1976–1979 гг. Катовицкое воеводство имело репутацию польского «Эльдорадо». Но чем выше был уровень жизни, тем острее была реакция на снижение этого уровня жизни в последующие периоды польской истории. Уже в 1980-е гг. польские шахтеры перестали быть надежной опорой социалистического режима и Польской объединенной рабочей партии, став одной из главных сил зарождавшейся «солидарности».

Подводя итог, необходимо отметить, что на протяжении длительного времени в угольной промышленности Советского Союза и Польши применялись сходные модели привлечения рабочей силы. В послевоенный период советский опыт применения принудительного труда был внедрен в польской угледобыче. Со второй половины 1950-х гг. параллельно в СССР и Польше на шахтах был завершён переход на вольнонаемный труд. С целью привлечения работников резко выросли фонды заработной платы, было начато масштабное жилищное строительство, введен ряд льгот для шахтеров и их семей. Престиж труда шахтера поднимался не только с помощью материальной мотивации, но и за счет создания моральных стимулов: введения почетных званий и государственных наград и т.п.

С другой стороны, из-за высоких значений трудозатрат в себестоимости тонны угля рост уровня жизни шахтеров неизбежно вел к повышению себестоимости угледобычи, что предопределило расхождение путей развития отрасли в рассматриваемых странах. В основном ориентированная на внутренний рынок советская угольная промышленность нуждалась в значительных государственных дотациях, тогда как в Польше угледобывающая отрасль была в большей мере сориентирована на внешние рынки, торговля на которых по коммерческим ценам приносила прибыль, особенно после резкого повышения цен на энергоносители в 1970-е гг. Положительный эффект для Польши сыграла и компактность расположения предприятий отрасли, что позволяло не расплывать инвестиции в производство и капитальные вложения в социальную сферу по нескольким районам угледобычи.

Наконец, стоит обратить внимание и на то, что высокий уровень жизни советских и польских шахтеров, достигнутый в 1970-е гг., стал важным социальным маркером. Неудивительно, что горняки очень остро отреагировали на изменение своего положения в 1980-е гг. и активно участвовали в протестном движении. Однако их действия в 1980-е гг., как в СССР, так и в Польше, все же необходимо рассматривать в контексте тех социально-экономических и политических процессов, которые наблюдались в этих странах в данный период, выходящий за рамки настоящего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Угольная промышленность СССР за 50 лет : стат. справ. М., 1968.
2. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288.
3. Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-2225.
4. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-1151.
5. ОГАЧО. Ф. Р-962.
6. Бикметов Р.С. Использование труда заключенных в угольной промышленности Кузбасса (1930-е – начало 1950-х) // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2004. № 6.2. С. 91–98.
7. Баканов С.А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск : Энциклопедия, 2012. 328 с.
8. Постановление Совета министров СССР от 25 августа 1946 г. «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих и инженерно-технических работников предприятий и строек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4612.htm, свободный (дата обращения: 28.03.2017).
9. Попов А.А. «Угольный вопрос» в советско-польских отношениях (1945–1975 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 2. С. 43–50.
10. Jaros J. Historia górnictwa węglowego w Polsce Ludowej (1945–1970). PWN, Warszawa-Kraków, 1973. 254 s.
11. Miroszewski K. Centralny Obóz Pracy Jaworzno (1945–1950), [w:] Obóz dwóch totalitaryzmów. Jaworzno 1943–1956, t. 1 / red. K. Miroszewski, Z. Woźniczka. Jaworzno, 2007. S. 29–43.
12. Никитин Д.И. Политика по привлечению рабочей силы на предприятия угольной промышленности Польши в 1940–1960-х гг. // Альманах современной науки и образования. 2016. № 10 (112). С. 50–53.
13. Грунь В.Д., Зайденварг В.Е., Килимник В.Г., Малышев А.Ю., Попов В.Н., Рожков А.А. История угледобычи в России / под общ. ред. Б.Ф. Братченко. М., 2003. 480 с.
14. ГАПК. Ф. Р-971.
15. Крутой пласт: шахтерская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен / под ред. Л.А. Гордона, Э.В. Клопова, И.С. Кожуховского. М., 1999. 352 с.
16. Перспективы развития угольной промышленности СССР / под общ. ред. Б.Ф. Братченко. М., 1960. 435 с.
17. Российский государственный архив экономики. Ф. 14.
18. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 10.
19. Lisowski A. Górnictwo węgla kamiennego w Polsce. Efektywność. Rekonstrukcja. Zarządzanie. Katowice, 1996. 344 s.
20. Машковский В.П. Историография руководства КПСС угольной промышленностью страны в 1971–1985 гг. Кемерово, 1988. Рукопись. Депонирована ИНИОН. № 35502 от 09.09.1988.
21. Народное хозяйство СССР в 1975 г. М., 1976.
22. Кательников В.Д., Кобяков А.А. Уголь и шахтеры в государстве российском (экономический и социально-исторический аспекты). М., 2004. 392 с.
23. Jaros J. Zarys dziejów górnictwa węglowego. Kraków : PWN, 1975. 536 s.
24. Riley R., Tkocz M. Coal mining in Upper Silesia under communism and capitalism // European Urban and Regional Studies. 1998. Vol. 5 (3). P. 217–235.
25. Bialasiewicz L. Upper Silesia: Rebirth of a Regional Identity in Poland // Regional and Federal Studies. 2002. № 12. Part 2. P. 111–132.
26. Przybyłka A. Historyczne aspekty rozwoju zabezpieczeń socjalnych górników na Górnym Śląsku. Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Ekonomicznego w Katowicach, 2011. 292 s.

Bakanov Sergey A. Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia). E-mail: bakanov-s@mail.ru; *Popov Aleksey A.* South Ural State University (Chelyabinsk, Russia). E-mail: aapopov@susu.ru

HOW THE MINERS BECAME „ARISTOCRATS”. SOCIAL EFFECTS OF COAL MINING IN THE USSR AND POLAND (1945–1970s).

Keywords: coal; miners; history of the USSR; history of Poland; Upper Silesia; socioeconomic policy.

One of the most remarkable processes in social sphere of the planned economy of the USSR and Poland was impressive growth of the miner’s standard of living. The purpose of this article is to analyze the social effects of coal mining’s development in the Soviet Union and Poland during 1945–1970s. The study is conducted on archive’s materials (the Russian State Archives of Economics, the Russian State Archive of Modern History, the United State Archive of the Chelyabinsk Region, the State Archive of the Sverdlovsk region, the State Archive of Perm Region) and published statistical data. Special attention is paid to the similarity of the labor attraction models in selected countries. The authors identify three stages of development of social sphere of coal mining based on production growth rates, employee turnover and the real incomes of miners. The research provides data that both countries in the early post-war period widely used forced labor in coal mining. But the decrease of productivity led to transition from using of forced labor to use of civilian labor. The authors show that since the second half of the 1950s the improvement of incentives for miners in the USSR and Poland proceeded simultaneously. Remarkably that not only material, but also moral incentives were used (such as special honors and insignia for miners). The documents indicate that one of the reasons of the authorities’ attention to the level of miner’s standard of living at this period was the fear of social protests. The authors also draw attention to significant difference in the profitability of coal production of the USSR and Poland in late the 1960s and 1970s. Statistical data presents that after the increase in expenditures for wages, housing and social benefits for miners Polish mines remained profitable, whereas Soviet mines became unprofitable. The authors conclude that increase of the standard living of Polish miners was maintained due to compact mines location and lobbying abilities of industry management. But in the USSR, the miners kept a high standard of living due to subsidies provided by the “oil rent”. Because the value of coal production fell due to rising production costs of coal and transition of the energy sector to the use of oil and gas. The authors draw a conclusion that in the 1970s the high status of the miners becomes an important social marker in the planned economies of the USSR and Poland, but this status based on the inflated incomes. As a result, extremely high standard of living of miners was a reason of social dissatisfaction to the economic problems of the next decade.

REFERENCES

1. USSR. (1968) *Ugol'naya promyshlennost' SSSR za 50 let. Statisticheskii spravochnik* [Coal industry of the USSR for 50 years. A statistical reference book]. Moscow: [s.n.].
2. The United State Archive of the Chelyabinsk Region (OGACHO). Fund P-288. (In Russian).
3. The State Archives of Sverdlovsk Region (GASO). Fund R-2225. (In Russian).
4. The State Archives of Perm Krai (GAPK). Fund R-1151. (In Russian).
5. The United State Archive of the Chelyabinsk Region (OGACHO). Fund R-962. (In Russian).
6. Bikmetov, R.S. (2004) Ispol'zovanie truda zaklyuchennykh v ugol'noy promyshlennosti Kuzbassa (1930-e – nachalo 1950-kh) [The use of labor prisoners in the coal industry of Kuzbass (1930 – early 1950)]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Vestnik of Kuzbass State Technical University*. 6.2. pp. 91–98.
7. Bakanov, S.A. (2012) *Ugol'naya promyshlennost' Urala: zhiznennyi tsikl otrasli ot zarozhdeniya do upadka* [The coal industry in the Urals: The life cycle of the industry from inception to decline]. Chelyabinsk: Entsiklopediya.
8. Council of Ministers of the USSR. (1946) Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 25 avgusta 1946 g. "O povyshenii zarabotnoy platy i stroitel'stve zhilishch dlya rabochikh i inzhenerno-tekhnicheskikh rabotnikov predpriyatii i stroek, raspolozhennykh na Urale, v Sibiri i na Dal'nem Vostoke" [Decree of the Council of Ministers of the USSR of August 25, 1946 "On raising wages and building dwellings for workers and engineers and technicians of enterprises and construction sites located in the Urals, Siberia and the Far East"]. In: *Biblioteka normativno pravovykh aktov Soyuz Sotsialisticheskikh Respublik* [Collection of the USSR normative legal acts]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4612.htm. (Accessed: 28th March 2017).
9. Popov, A.A. (2016) Coal "question" in Soviet-Polish relations (1945–1975). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki – Bulletin of Moscow State Regional University. History and Political Sciences*. 2. pp. 43–50. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-676X-2016-2-43-50
10. Jaros, J. (1973) *Historia górnictwa węglowego w Polsce Ludowej (1945–1970)* [History of coal mining in People's Poland (1945–1970)]. Warsaw-Krakow: PWN.
11. Miroszewski, K. (2007) Centralny Obóz Pracy Jaworzno (1945–1950) [Central Labor Camp Jaworzno (1945–1950)]. In: Miroszewski, K. & Woźniczka, Z. (eds) *Obóz dwóch totalitaryzmów. Jaworzno 1943–1956* [Camp of two totalitarianisms. Jaworzno 1943–1956]. Vol.1. Jaworzno: Muzeum Miasta Jaworzna. pp. 29–43.
12. Nikitin, D.I. (2016) Policy to attract labour force to enterprises of coal industry of Poland in the 1940–1960s. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya – Almanac of Modern Science and Education*. 10(112). pp. 50–53. (In Russian).
13. Grun, V.D., Seidenvarg, V.E., Kilimnik, V.G., Malyshev, A.Yu., Popov, V.N. & Rozhkov, A.A. (2003) *Istoriya ugledobychi v Rossii* [History of coal mining in Russia]. Moscow: VINITI.
14. The State Archives of Perm Krai (GAPK). Fund R-971.
15. Gordon, L.A., Klopov, E.V. & Kozhukhovskiy, I.S. (eds) (1999) *Krutoy plast: shakhterskaya zhizn' na fone restrukturalizatsii otrasli i obshcherossiyskikh peremen* [A steep layer: The miners' life against the background of industry restructuring and all-Russian changes]. Moscow: Kompleks-Progress.
16. Bratchenko, B.F. (ed.) (1960) *Perspektivy razvitiya ugol'noy promyshlennosti SSSR* [Prospects for the development of the coal industry of the USSR]. Moscow: Gosplanizdat.
17. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 14. (In Russian).
18. The Russian State Archives of Recent History (RGANI). Fund 10. (In Russian).
19. Lisowski, A. (1996) *Górnictwo węgla kamiennego w Polsce. Efektywność. Rekonstrukcja. Zarządzanie* [Hard coal mining in Poland. Efficiency. Reconstruction. Management]. Katowice.
20. Mashkovskiy, V.P. (1988) *Istoriografiya rukovodstva KPSS ugol'noy promyshlennost'yu strany v 1971–1985 gg.* [Historiography of the CPSU supervision over coal industry in 1971–1985]. Kemerovo. [Manuscript. INION. №35502 of September 9, 1988].
21. Central Statistics Committee. (1976) *Narodnoe khozyaystvo SSSR v 1975 g.* [The national economy of the USSR in 1975]. Moscow: Gosstatizdat TsSU.
22. Katalnikov, V.D. & Kobayakov, A.A. (2004) *Ugol' i shakhtery v gosudarstve rossiyskom (ekonomicheskii i sotsial'no-istoricheskiy aspekty)* [Coal and miners in Russia (economic and socio-historical aspects)]. Moscow: Suvenirny. Ru.
23. Jaros, J. (1975) *Zarys dziejów górnictwa węglowego* [An outline of the history of coal mining]. Kraków: PWN.
24. Riley, R. & Tkocz, M. (1998) Coal mining in Upper Silesia under communism and capitalism. *European Urban and Regional Studies*. 5(3). pp. 217–235. DOI: 10.1177/096977649800500302
25. Bialasiewicz, L. (2002) Upper Silesia: Rebirth of a Regional Identity in Poland. *Regional and Federal Studies*. 12(2). pp. 111–132.
26. Przybyłka, A. (2011) *Historyczne aspekty rozwoju zabezpieczeń socjalnych górników na Górnym Śląsku* [Historical aspects of the development of social security for miners in Upper Silesia]. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Ekonomicznego w Katowicach.